

Предисловие

Не знаю, каждому ли из вас так повезло, что хотя бы один раз в жизни вам встретился человек, который, словно волшебник, взмахнул палочкой и открыл для вас новый, дотоле недоступный для вас мир?

Мне так повезло. И этим человеком был Самуил Яковлевич Маршак.

Мне тогда было двадцать пять лет, и я всё ещё искал себя. Окончив биолого-почвенный факультет МГУ, по специальности физиолог животных и человека, но ещё к третьему курсу поняв, что я — не ученый, что моё юношеское увлечение условными рефлексамии Ивана Петровича Павлова и убеждение, что мне предстоит открыть секреты головного мозга были заблуждением, я находился в состоянии поиска. Правда, я увлекался переводами на русский язык английской поэзии и полагал, что именно это и станет моей профессией. Но это был, скорее всего, не ясный план, а туманная мечта.

В один прекрасный день раздался телефонный звонок и скрипучий старушечий голос попросил Владимира Владимировича. Услышав, что он у телефона, всё тот же голос сообщил, что это говорит Розалия Ивановна, помощник Самуила Яковлевича Маршака, который хотел бы встретиться со мной. От неожиданности я потерял дар речи, что вызвало раздражение Розалии Ивановны:

— Вы слышите, что я говорю? — повысив голос, спросила она.

— Слышу, слышу, — ответил я.

— Ждём вас в четверг в час дня.

Это было сказано твердо, без вопросов или сомнений.

Вот таким образом в четверг, 12 февраля 1959 года, я оказался у двери квартиры С.Я. Маршака на улице Чкалова (ныне Земляной Вал). Открыла мне Розалия Ивановна и, оглядев меня безо всяких признаков удовольствия, громко объявила:

— Самуил Яковлевич, пришел Владимир Владимирович!

И вышел Маршак.

Ему тогда было 72 года, что по нынешним временам не считается уж очень преклонным возрастом, но тогда, шестьдесят с лишним лет тому назад, человек, достигший восьмого десятка, воспринимался как старик.

Передо мной стоял человек, большая голова которого никак не соответствовала ни его тшедушному телу, ни невысокому росту. Лицо его было испещрено мелкими морщинками, и из-за толстых стёкол очков на меня строго, но чуть насмешливо, смотрели два серо-зеленоватых глаза.

— Здравствуйте, Владимир Владимирович, — сказал он, протянув мне руку, — извольте следовать за мной.

Так я оказался в кабинете Маршака, который запомнился мне своим большущим, явно дореволюционным, письменным столом и книгами. Их было не сосчитать. Стены были покрыты от пола до потолка книжными полками, письменный стол были ими завален. Это было Царство Книг.

Сев за стол и посадив меня напротив, Маршак сказал:

— Владимир Владимирович, я ознакомился с некоторыми вашими переводами...

(чем меня потряс, потому что не было у меня ни одной публикации; лишь много лет спустя я узнал, что моя теща, композитор Зара Александровна Левина, была с Маршаком знакома и без моего ведома передала ему несколько черновиков моих переводов Джона Донна, моего любимого английского поэта)

...у вас есть способности, — продолжал он, — но совершенно нет умения. Если вы согласитесь стать моим литературным секретарем, я вас кое-чему научу.

Это было, как теперь говорят, предложение, от которого нельзя было отказаться.

Я проработал у Самуила Яковлевича два с небольшим года, и могу сказать, что он научил меня не только «кое-чему». Попав к нему, я выиграл лотерейный билет, которому нет цены.

Впрочем, достаточно. Я хотел лишь рассказать о том, как и почему я познакомился с Маршаком, чтобы вы, уважаемые читатели, поняли, почему мне предложили написать вступление к его воспоминаниям.

Самуил Яковлевич Маршак — сложная фигура. Он прожил сложную жизнь, начавшуюся еще при царе Александре III и прошедшую через революции, войны, времена надежд и их крушений. То, что он дожил до 76 лет и умер своей смертью, не испытав репрессий и избежав расстрельного приговора, представляется мне чудом. О многом он рассказывал мне сам, кое-что я почерпнул из его собственных мемуаров. Хотя прошло без малого шестьдесят лет с тех пор, когда я увидел Самуила Яковлевича в последний раз, он стоит перед моим мысленным взором, как живой, я навсегда запомнил звучание его голоса, манеру выговаривать слова и его русский язык — удивительно богатый и выразительный. К сожалению, этот язык канул в Лету.

Я мог бы рассказать много о Самуиле Яковлевиче. И смешного, и печального, и даже трагического. Но книга эта не о моих воспоминаниях, а о воспоминаниях Маршака. Поэтому ограничусь тем предметом, который, собственно, привел меня к нему: поэтическим переводом.

Маршак более всего известен в России как «детский писатель». Ставлю это определение в кавычки, потому что для меня оно звучит уничижительно, как, впрочем, и «писатель для детей». Ведь никому в голову не придет сказать, что, например, Лев Толстой был писателем «для взрослых». Есть писатель. Точка. Маршак-писатель подарил детям сказочный мир. Маршак-переводчик подарил нам мир, вход в который почти для всех недоступен потому, что у нас нет к нему ключа: глубокого знания английского языка. Он открыл для нас Блейка, Бёрнса, Киплинга и, конечно, Шекспира.

Переводить литературу — значит бросить вызов своему родному языку. Ни при каких обстоятельствах невозможно равноценно передать звучание, своеобразие, уникальность одного языка на язык другом. Переводить — значит проявить отчаянную смелость, понимая при этом, что вы потерпите поражение. Оригинал останется на века, а перевод, каким бы он ни был великолепным, неизбежно устареет, потому что язык меняется. Шекспир остается Шекспиром, а переводы его, скажем, XIX века читать невозможно. Это относится к прозе. Что до перевода поэзии, то это просто что-то из области «миссия невозможна». И, несмотря на

это, Маршаку удалось, как никому, преодолеть непреодолимое.

Вершина его мастерства, на мой взгляд — перевод сонетов Шекспира. Он работал над ними всю жизнь, работал до изнеможения, работал вдохновенно, стремясь не к тому, чтобы «точно», слово в слово перевести английский язык первой четверти XVII века на современный русский, а добиться при переводе сохранения поэтической сути шекспировского гения.

Мне кажется, поэт-переводчик чем-то похож на актера. Актер, играя роль, должен как бы войти в сердце и душу того, кого он играет. Поэт-переводчик должен каким-то образом перевоплотиться и стать тем поэтом, которого он переводит. Возможно ли это? Конечно нет.

Но Самуилу Яковлевичу Маршаку это удалось.

В качестве подтверждения моего утверждения, я хотел бы привести в переводе Самуила Яковлевича первые четыре строчки моего любимого 74-го сонета Шекспира:

Когда меня отправят под арест,
Без выкупа, залога иль отсрочки,
Не камня глыба, не могильный крест —
Мне памятником будут эти строчки.

О СКАЗКАХ

Заметки о сказках Пушкина

У каждого возраста свой Пушкин. Для маленьких читателей — это сказки. Для десятилетних — «Руслан». В двенадцать-тринадцать лет нам открываются пушкинская проза, «Полтава», «Медный всадник». В юношеские годы — «Онегин» и лирика.

А потом — и стихи, и проза, и лирика, и поэмы, и драматические произведения, и эпиграммы, и статьи, и дневники, и письма... И это уже навсегда!

С Пушкиным мы не расстаемся до старости, до конца жизни. Только в зрелом возрасте мы постигаем удивительное сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины в пушкинских стихах и прозе.

Имя Пушкина, черты его лица входят в наше сознание в самом раннем детстве, а первые услышанные или прочитанные нами стихи его мы принимаем, как подарок, всю ценность которого узнаешь только с годами.

Помню, лет шестьдесят тому назад замечательный русский композитор Анатолий Константинович Лядов, которого я встретил под Новый год у критика В.В. Стасова, спросил меня:

— Любите ли вы Пушкина?

Мне было в то время лет четырнадцать, и я ответил ему так, как ответил бы тогда большинство подростков, имеющих пристрастие к стихам:

— Я больше люблю Лермонтова!

Лядов наклонился ко мне и сказал убедительно и ласково:

— Милый, любите Пушкина!

Это отнюдь не значило: «Перестаньте любить Лермонтова».

Лермонтов рано овладевает нашим воображением и навсегда удерживает в душе у нас свое особенное место. Но постичь величавую простоту пушкинского стиля не так-то просто. Разумеется, рано или поздно Пушкин открылся бы мне во всей своей глубине и блеске и без отеческого наставления А.К. Лядова. И все же я до сих пор благодарен ему за доброе напутствие и полагаю, что дети нашего времени будут не менее благодарны своим педагогам и родителям за столь же своевременный совет:

— Милые, любите Пушкина!

В каком возрасте становятся понятны детям пушкинские стихи?

Трудно определить с математической точностью границы читательских возрастов. Но пусть эти сказки будут в каждой нашей семье наготове, пусть ждут они того времени, когда ребенок начнет понимать их смысл или хотя бы любить их звучание.

Ведь не только страницы книг, но и самые простые явления жизни дети начинают понимать не сразу и не целиком.

Как известно, далеко не все современники поэта оценили его сказки по достоинству. Были люди, которые жалели, что Пушкин спускается с высот своих поэм в область простонародной сказки¹.

А между тем в «Царе Салтане», в «Мертвой царевне» и в «Золотом петушке» Пушкин — тот же, что и в поэмах. Каждая строчка сказок хранит частицу души поэта, как и его лирические стихи. Слова в них так же скупы, чувства столь же щедры. Но, пожалуй, в сказках художественные средства, которыми пользуется поэт, еще лаконичнее и строже, чем в «Онегине», «Полтаве» и в лирических стихах.

Зимний пейзаж, являющийся иной раз у Пушкина сюжетом целого стихотворения («Мороз и солнце; день чудесный!» или «Зима. Что делать нам в деревне?»), дается в сказке всего двумя-тремя строчками:

...вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля².

Так же немногословно передает поэт в сказках чувства, душевные движения своих действующих лиц:

Вот в сочельник в самый в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхишенья не снесла
И к обедне умерла³.

Одна пушкинская строчка: «Тяжелешенько вздохнула» — говорит больше, чем могли бы сказать целые страницы прозы или стихов.

¹ «...вследствие своего исключительно смелого новаторского характера, пушкинская сказка не встретила понимания и должной оценки со стороны подавляющего большинства современников», — пишет известный пушкинист Д.Д. Благой, называя среди отрицательных откликов отзывы Н.А. Полевого («Сын отечества», 1840, т. II, кн. 3), А.В. Кольцова (Кольцов А.В. Полное собр. соч. СПб., 1909. С. 213) и В.Г. Белинского («Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая»). См.: Благой Д.Д., Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1966. С. 543.

² Из произведения А.С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях».

³ Оттуда же.

Так печально и ласково звучит это слово «тяжелешенько», будто его произнес не автор сказки, а кто-то свой, близкий, может быть, мамка или нянька молодой царицы.

Да и в самом этом стихе, который, при всей своей легкости, выдерживает такое длинное, многосложное слово, и в следующей строчке — «Восхищенья не снесла» — как бы слышится последний вздох умирающей.

Только в подлинно народной песне встречается порою такое же скромное, сдержанное и глубокое выражение человеческих чувств и переживаний.

Слушая сказки Пушкина, мы с малых лет учимся ценить чистое, простое, чуждое преувеличения и напыщенности слово.

Просто и прочно строится в «Царе Салтане», и в «Сказке о рыбаке и рыбке», и в «Золотом петушке» фраза. В ней нет никаких украшений, очень мало подробностей.

Вспомните описания моря в лирических стихах или в «Евгении Онегине».

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!

И сравните эти строки с изображением моря в «Царе Салтане»:

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Здесь очень мало слов — все наперечет. Но какими огромными кажутся нам из-за отсутствия подробностей и небо и море, занимающие в стихах по целой строчке.

И как не случайно то, что небо помещено в верхней строчке, а море — в нижней!

В этом пейзаже, нарисованном несколькими чертами, нет берегов, и море с одинокой бочкой кажется нам безбрежным и пустынным.

Правда, в том же «Салтане» есть и более подробное изображение морских волн, но и оно лаконично до предела:

В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...

Пушкин и всегда был скуп на прилагательные. А в сказках особенно. Вы найдете у него целые строфы без единого прилагательного. Предложения составлены только из существительных и глаголов. Это придает особую действенность стиху.

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Сколько силы и энергии в этих шести строчках, в этой цепи глаголов «поднялся», «уперся», «понатужился», «молвил», «вышиб» и «вышел»!

Радость действия, борьбы — вот что внушают читателю-ребенку эти шесть строк. И завершаются они победой: вышиб и вышел.

И в поэмах пушкинских вы найдете такую же цепь глаголов, придающую действию стремительность, — в изображении Полтавской битвы или в описании боевого коня:

...Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком¹.

Сказки не были предназначены для детей. Но как соответствует их словесный строй требованиям читателя-ребенка, не останавливающегося на описаниях и подробностях и жадно воспринимающего в рассказе действие.

Как легко запоминается детьми это чудесное шестистишие из «Салтана» («Сын на ножки поднялся»), похожее на «считалку» в детской игре. Оно и кончается, как считалка, словами: «вышел вон».

И вся сказка запоминается без труда не только потому, что написана легким и энергичным стихом, но и потому, что состоит из отдельных внутренне и внешне законченных частей.

В сущности, и те две строчки, в которых изображены небо, море и плывущая бочка, тоже представляют собою вполне законченную картину, так же как и строфы, в которых появляются из пены морской тридцать три богатыря или изображается ручная белка в хрустальном домике:

Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;

¹ Из поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

Белка там живет ручная,
 Да затейница какая!
 Белка песенки поет
 Да орешки все грызет,
 А орешки не простые,
 Все скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Слуги белку стерегут...

Все эти законченные части сказки представляют собою как бы звенья одной цепи, отдельные звезды, из которых состоит созвездие — сказка.

Но для того, чтобы получилось такое созвездие, каждая его составная часть должна быть звездой, должна светиться поэтическим блеском. В сказках Пушкина нет «мостов», то есть служебных строк, задача которых сводится к тому, чтобы пересказывать по обязанности сюжет, двигать действие. Ни в одной строчке поэту не изменяет вдохновение.

Пушкинский стих всегда работает и умеет передавать ритм движения, борьбы, труда.

Вот как на глазах у читателей мастерит себе лук и стрелу юный князь Гвидон:

Ломит он у дуба сук
 И в тугой сгибает лук,
 Со креста снурок шелковый
 Натянул на лук дубовый,
 Тонку тросточку сломил,
 Стрелкой легкой заострил
 И пошел на край долины
 У моря искать дичины.

Эти простые и скромные строчки из сказки поражают своей законченностью, сжатостью, эпиграмматической остротой и точностью. Недаром они перекликаются с известной пушкинской эпиграммой:

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
 Давай мне мысль, какую хочешь:
 Ее с конца я заострю,
 Летучей рифмой оперю,
 Взложу на тетиву тугую,
 Послушный лук согну в дугу,
 А там пошлю наудалую,
 И горе нашему врагу!¹

¹ Пушкин А.С. Прозаик и поэт

Пожалуй, ни один из поэтов так не чувствовал вдохновения борьбы, «упоеания в бою», как Пушкин. Во всей мировой поэзии вы вряд ли найдете строки, равные по силе изображению Полтавского боя:

...Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза...

Эти стихи, прочитанные в ранней юности, навсегда остаются в памяти. Лишь какое-нибудь грозное и величественное явление природы сравнится по силе и свежести впечатления с тем могучим разрядом поэтической энергии, который мы ощущаем в изображении Полтавской битвы.

Только на вершине вдохновения могли сложиться строки:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны...

Но Пушкин трезво владеет своим вдохновением. Вслед за этими патетическими стихами, в которых звучат торжественные архаизмы — «сии», «премены», — идут простые, скупые строки:

И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин...

Эти строки придают стихам какую-то суровую, деловую энергию сжатой исторической хроники. Быть может, мы гораздо меньше поверили бы в реальность всей сцены, изображающей объезд войск, если бы вместо строгого ряда прославленных имен нашли в ней поэтическое описание всадников и коней.

Поэт знает, что стремительность эпизода не допускает лишних деталей. И только ритм стихов напоминает читателю о том, что спутники Петра —

И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин —

скачут верхом.

В сказках Пушкин еще реже пользуется поэтическими фигурами, чем в поэмах. Он создает живой, зримый образ, почти не прибегая к изысканным сравнениям и метафорам. Один и тот же стихотворный размер передает у него и полет шмеля или комара, и пушечную пальбу, и раскаты грома.

Такие стихи требуют от читателя гораздо больше пристального, сосредоточенного внимания, чем многозвонные, бьющие на эффект произведения стихотворцев-декламаторов.

Воспитывать это чуткое внимание надо с малых лет.

Дети почувствуют прелесть пушкинских сказок и в том случае, если будут читать их сами. Но еще больше оценят они стихи, если услышат их в хорошем чтении. Не декламация нужна, а четкое, толковое, верное ритму чтение. И прежде всего нужно, чтобы взрослый человек, читающий детям сказки, сам чувствовал прелесть русского слова и пушкинского стиха.

Пусть обратит он внимание на то, какими простыми средствами достигает поэт предельной изобразительности, как много значат в его стихах не только каждое слово, но и каждый звук, каждая гласная и согласная.

Когда Гвидон превращается в комара, про него говорится в стихах так:

Полетел и запищал...

Или:

А комар-то злится, злится...

А когда он же превращается в шмеля, про него сказано:

Полетел и жужжал...

И дальше:

Он над ней жужжит, кружится...

Я не думаю, что мы должны объяснять ребенку, какое значение имеют в этих стихах звуки «з» и «ж», характеризующие полет комара и шмеля. Пусть дети чувствуют звуковую окраску стихов, не занимаясь анализом. Но мы-то сами, прежде чем прочесть стихи детям, должны хорошо услышать все эти «з», «ж», длинное, высокое «и» — в слове «злится» и низкое, гулкое «у» — в словах «кружится» и «жужжит».